

=====

Оригинал здесь: <http://cfrl.ru/prose/panaev/panaev.shtm>

=====

Великосветский хлыщ

Глава I. Дагерротип с артистического семейства и о том, как приятно проводить время в таких семействах

Я знаю лет двадцать Грибановых. Отличнейшее семейство и притом с артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляют жизнь этого семейства. Оно совсем погружено в изящное. Всякий артист, какой бы маленький талантлик ни имел, в какой бы крошечной сфере ни действовал, хотя бы только искусно играл на балалайке, наверно будет принят в этом почтенном семействе с распростертыми объятиями. Литератор бежит туда читать свое новое произведение, еще не оконченное; художник показать свои эскизы, только что набросанные небрежно карандашом, и в которых ровно ничего разобрать нельзя, -- и тот и другой уверены, что найдут глубочайшее сочувствие. Хозяин дома, с большим искусством вырезающий из бумаги силуэты; его свояченица, заменившая в доме умершую хозяйку, превосходно лепящая цветы из воска; сын, пишущий стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой, -- все ахают и восхищаются, слушая новое произведение литератора и рассматривая новые эскизы художника, и потом повторяют своим знакомым в течение по крайней мере месяца, каждому по очереди: "Ах! какую повесть читал нам NN!.." "Ах! какие эскизы показывал нам Д. Д.!.." "Ах, сколько у них таланта!.." и проч. Доброта этих людей простирается до того, что они приходят в восторг от всякого, даже плохого произведения, если только оно в первый раз прочитано или показано в их доме. Правда, о произведениях замечательных и талантливых, которые не были им читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вследствие искреннего убеждения, что ни одно замечательное произведение не может не быть предварительно им известно, что все художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, певцы и певицы, знакомые им, -- люди, непременно обладающие высокими талантами, и что те, которые не имеют этой чести, едва ли могут иметь и дарование. Нежная привязанность друг к другу, соединяющая членов этого семейства, поистине замечательна. Отец обожает своих детей, дети обожают отца, тетка обожает племянника, племянник тетку... В этом доме все обожают друг друга. Если отец вырежет какой-нибудь новенький силуэтик, сын немедленно приходит от него в восхищение и бежит к тетке.

-- Посмотрите, -- говорит он, -- какую удивительную вещицу вырезал папенька, с каким вкусом, с каким изяществом, это просто художественно!

-- Ах, какая прелесть! -- восклицает восхищенная тетка. Если сын напишет стихотворение и прочтет его отцу и тетке, отец, пожимая плечами от удивления, со слезой на реснице восклицает:

-- У, как это хорошо! Какой стих! Какая мысль! Я никогда ничего не слышал лучше этого!

И при этом голос отца задребезжит, умиленный, как порванная струна.

-- Это маленький chef-d'oeuvre! -- восклицает тетка, всплеснув руками.

Затем оба они, отец и тетка, закричат:

-- Пелагея Петровна! Пелагея Петровна!

Приживалка, вроде ключницы, прибежит на этот крик, запыхавшись, но с приятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лице ее и которая не оставляет ее даже в самые горькие минуты ее жизни.

-- Что прикажете-с?

-- Послушайте-ка, матушка, -- скажет отец, прищелкнув языком, -- какие новые